

СУДЕБНОЕ НОРМОТВОРЧЕСТВО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация.

Актуальность и цели. Развитие российской государственности на современном этапе происходит в условиях нескончаемых демократических преобразований и реформ. Формируются новые общественные отношения и институты. Особую роль в этом процессе занимает судебная власть, которая в настоящее время не только осуществляет отправление правосудия, но и выполняет функцию судебного нормотворчества, формами которого выступают судебные прецеденты и судебная практика высших судебных инстанций. Между тем до настоящего времени единая концепция судебного нормотворчества в России не разработана и нуждается в теоретическом обосновании, комплексном исследовании теорий и доктрин отечественных ученых, в том числе дореволюционного периода. Цель работы – проанализировать основные идеи о судебном нормотворчестве в дореволюционной России (1864–1917).

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа научных трудов отечественных правоведов дореволюционного и современного периодов, затрагивающих заявленную проблематику, а также законодательных положений нормативных правовых актов обозначенного периода. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и исторический методы, которые позволяют сопоставить содержание взглядов, идей о судебном нормотворчестве в исследуемый период, их зарождение и развитие в конкретных исторических условиях.

Результаты. Исследовано становление идей о судебном нормотворчестве в Российской империи дореволюционного периода, проанализированы взгляды сторонников и противников признания судебной практики одним из источников отечественного права.

Выводы. Изучение проблемы судебного нормотворчества в дореволюционной России позволяет сделать вывод о том, что судебная реформа 1864 г. упрочила положение судебной ветви власти как самостоятельной и независимой силы. В этой связи доктрина о существовании судебного нормотворчества начала представлять интерес для видных представителей юридической науки того времени, анализ трудов которых позволяет констатировать, что законодательного закрепления в качестве источника права судебная практика так и не получила, но тем не менее фактически выступала регулятором общественных отношений, восполняя пробелы в действующем законодательстве.

Ключевые слова: источник права, судебное нормотворчество, акт судебного нормотворчества, судебная практика, судебный прецедент, разъяснения Сената.

JUDICIAL RULES IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA: DISCUSSION ASPECTS

Abstract.

Background. The development of Russian statehood at the present stage takes place in the context of endless democratic transformations and reforms. New public relations and institutions are being formed. A special role in this process is played by the judiciary, which currently performs not only the administration of justice, but also performs the function of judicial rule-making, the forms of which are judicial precedents and judicial practice of the highest judicial instances. Meanwhile, to date, a unified concept of judicial rule-making in Russia has not been developed, it needs theoretical substantiation, a comprehensive study of theories and doctrines of fatherland scientists, including the pre-revolutionary period. The purpose of the work is to analyze the main ideas about judicial rule-making in pre-revolutionary Russia (1864–1917).

Materials and methods. The implementation of research tasks was achieved on the basis of the analysis of scientific works of domestic lawyers of the pre-revolutionary and modern period, affecting the stated problems, as well as the legal provisions of the regulatory legal acts of the designated period. The methodological basis of the study consists of formal-legal, comparative-legal and historical methods, which allow to compare the content of views, ideas about judicial rule-making in the researching period, their origin and development in specific historical conditions.

Results. The development of ideas about judicial rule-making in the Russian Empire of the pre-revolutionary period was studied, the views of supporters and opponents of the recognition of judicial practice as one of the sources of fatherland law were analyzed.

Conclusions. Studying the problem of judicial rule-making in pre-revolutionary Russia leads to the conclusion that the judicial reform of 1864 strengthened the position of the judicial branch of power as an independent and independent force. In this regard, the doctrine of the existence of judicial rule-making began to be of interest to prominent representatives of the legal science of the time, an analysis of the works of which allows us to state that judicial practice did not receive legislative consolidation as a source of law, but nevertheless acted as a regulator of public relations, replenishing gaps in the current legislation.

Keywords: source of law, judicial rule-making, act of judicial rule-making, judicial practice, judicial precedent, explanations of the Senate.

Проблема признания за судом правотворческой функции на протяжении многих веков привлекала внимание не только представителей англо-американской системы права, но и многих видных отечественных деятелей юриспруденции, в том числе дореволюционного периода.

Вне зависимости от того, какую позицию по отношению к судебному нормотворчеству занимали те или иные авторы, неизменно в их трудах отражались вопросы, касающиеся определения его сущности и содержания.

Российская юридическая мысль этого времени характеризовалась отсутствием единого подхода к судебному нормотворчеству, поскольку до проведения судебной реформы 1864 г. в нашей стране не было никаких предпосылок говорить о нем ни с теоретической, ни с практической точки зрения. Законодательная и судебная власть была сосредоточена в руках Государст-

венного совета, в связи с чем судебная практика в качестве самостоятельного источника права выступать не могла по причине того, что судебные акты становились законодательными. «Если суд усматривал неясность или неполноту законодательства, он должен был представлять о том в высшую инстанцию, и так, переходя из инстанции в инстанцию, дело доходило до Государственного совета, где оно разрешалось», – писал Н. М. Коркунов [1, с. 188].

По нашему мнению, применение в России актов судебного нормотворчества в качестве источников права стало возможным после проведения Александром II в 1864 г. целого ряда реформ, в том числе и судебной, и издания таких основополагающих нормативных правовых актов, как Уставы гражданского, уголовного, торгового судопроизводства и др.

В это время многие отечественные юристы стали говорить об актах судебного нормотворчества как древнейших и самостоятельных источниках российского позитивного права.

Как справедливо отмечает В. В. Момотов, «...прецедентная практика в России начала формироваться вместе с независимым судом, т.е. только с 1864 года» [2, с. 45].

Безусловно, речь не идет о законодательном закреплении актов судебного нормотворчества в качестве самостоятельных источников права или же об изменении взглядов государственных чиновников в этом направлении. В данном контексте все оставалось по-прежнему, впрочем, как и в современной России. Следует отметить весьма серьезные изменения, которые произошли в судебной системе в целом и послужили основанием для признания актов судебного нормотворчества в доктринальном смысле одним из источников права.

В результате проведения реформы 1864 г. судебная власть в Российской империи сосредоточилась в судах и Правительствующем Сенате – высшей судебной инстанции страны, в котором были созданы два новых департамента: Гражданский кассационный и Уголовный кассационный. В отличие от иных судебных инстанций, они устанавливали исключительно вопросы права, не рассматривая дело по существу. Кроме того, данные департаменты «осуществляли высший надзор за всеми мировыми судьями и мировыми съездами» [3, с. 38].

Юридическая природа разъяснений кассационных департаментов Сената, даваемых по гражданским и уголовным делам, публикуемых в уставах гражданского (ст. 813, 815) и уголовного судопроизводства (ст. 930, 933) «для руководства к единообразному исполнению и применению законов» [4, с. 387], была предметом нескончаемой полемики среди представителей дореволюционной юридической науки.

Так, А. М. Гуляев в своем труде, посвященном работе Сената, указывал на его функцию по восполнению пробелов в законодательстве, которую он осуществлял исходя из общего смысла законов, и тем самым Правительствующий Сенат творил «...новые нормы права, законом не предусмотренные, но долженствующие соответствовать общей системе законодательства» [5, с. 17].

Г. В. Демченко также подчеркивал нормативное значение разъяснений Сената: «Судебная практика Сената имеет юридическое значение источника

права, хотя и занимающего теперь – при необычайном развитии законодательства – подчиненное, второстепенное место» [6, с. 234].

Общеобязательность таких разъяснений предписывалась и самим Сенатом. Например, давая разъяснение обер-прокурору о порядке передачи накладных, Сенат указал, что «...приведенное разъяснение, как постановленное присутствием Гражданского кассационного департамента и опубликованное во всеобщее сведение в официальном сборнике его решений, должно... служить как для судебных установлений, так и для управления железных дорог руководством к единообразному истолкованию и применению законов, касающихся передачи накладных...» [5, с. 16].

Одним из примеров нормотворчества Сената может служить решение Гражданского кассационного департамента от 1913 г. № 19, в соответствии с которым Сенат допустил кассационное обжалование частных определений в тех случаях, когда они по своему юридическому значению равносильны решениям, т.е. «когда ими заканчивается самое производство дела вообще или по данному вопросу, и засим по производству этому уже не может состояться решения, вместе с коим могло бы быть обжаловано также и частное определение» [7, с. 191].

В Уставе гражданского судопроизводства содержалось лишь право подачи кассационных жалоб на окончательные, вступившие в законную силу решения судебных палат, а о возможности обжалования в кассационном порядке частных определений законодательное положение отсутствовало. Таким образом, Сенат восполнил пробел в действующем законодательстве.

Аналогичный пример можно привести и из практики Уголовно-кассационного департамента Сената. При рассмотрении вопросов о соучастии судам приходилось выяснять, в каких случаях подлежат применению нормы о соучастии по предварительному соглашению, а когда – без предварительного соглашения, а также каковы отличительные признаки категорий соучастников по обеим группам преступлений.

Кассационными решениями от 1867 г. № 190, 263, 317 и др. было установлено, что «если дело рассматривается с участием присяжных заседателей, то им непременно должен быть поставлен вопрос, было ли соучастие по предварительному соглашению, и, только в случае утвердительного решения этого вопроса, судом могут быть применены постановления Уложения о наказаниях об этом виде соучастия; в противном случае суд должен признать, что соучастие было без предварительного соглашения» [8, с. 470, 471].

Необходимо отметить, что идеи о признании судебного нормотворчества поддерживались многими видными учеными права.

Так, по мнению С. А. Муромцева, «...стоя лицом к лицу к закону несовершенному... судья должен положиться немедленно на свои собственные силы и серьезно приступить к регламентации гражданско-правового порядка, не дожидаясь, пока выступит законодатель на пополнение допущенных им пробелов» [9, с. 391, 392].

И. А. Покровский, не ставя под сомнение главенствующую роль закона как основного и безусловного источника права в Российской империи, указывал на «творческий элемент» в деятельности судьи, обусловленный тем, что судья не может быть «простым механическим правоприменителем закона, логической машиной, автоматически выбрасывающей решения». «Закон и

суд не две враждебные силы, а два одинаково необходимых фактора юрисдикции. Оба они имеют одну и ту же цель – достижение материально справедливого; закон для достижения этой цели нуждается в живом дополнении и сотрудничестве в лице судьи», – писал он [10, с. 70, 71].

Интересной также представляется точка зрения Ю. С. Гамбарова о роли судебной практики в механизме правового регулирования: «Ей постоянно приходилось и приходится изменять, дополнять и даже отменять... закон, если он оказывается в противоречии с наличными потребностями или данными отношениями общественной жизни и общественных классов друг к другу, и создавать новое право – задолго до того, чем это последнее получает законодательное освещение» [11, с. 11].

Е. Н. Трубецкой указывал, что законодательные акты дополняются нормами, создаваемыми судебными органами. «Суд есть инстанция, применяющая закон к казусам, встречающимся в действительности. Но в силу невозможности для законодателя предвидеть все разнообразие казусов судебная практика поневоле не ограничивается одним только применением закона к случаям действительной жизни», – подчеркивает он [12, с. 131].

Кроме того, ученый справедливо указывал на многогранность и динамизм общественных отношений, за которыми не успевало действующее законодательство, в результате чего суд «волей-неволей» вынужден был восполнять в нем пробелы, поскольку не мог отказать в рассмотрении дела ввиду «неполноты или неясности закона» [12, с. 131].

На основании этого Е. Н. Трубецкой приходит к следующему выводу: «...у нас в России судебная практика имеет значение самостоятельного источника права, но это значение было официально признано за ней лишь со времени издания Судебных уставов императора Александра II» [12, с. 133].

Весьма неоднозначной в данном вопросе представляется точка зрения Н. М. Коркунова: «Признать судебную практику самостоятельным источником права – не все ли это равно, что признать за судом право судить не по закону или обычаю, а по своему усмотрению и, таким образом, возвести в общее правило судейский произвол. Нет никакого сомнения, что суд должен судить по закону или обычаю, а не по своему усмотрению, но этим отнюдь не исключается творческое значение судебной практики» [1, с. 181, 182].

Однако далее в этой же работе он фактически признает акты судебного нормотворчества самостоятельными источниками права, но между тем указывает, что «...это не следует понимать так, чтобы раз принятое судом решение какого-нибудь спорного вопроса безусловно связывало суд на будущее время. Если каждый закон может быть заменен новым, если «на обык есть перевык», то, конечно, и судебная практика не может быть обречена на неподвижность и застой» [1, с. 183].

Среди отечественных теоретиков и практиков юридической науки, отрицавших признание актов судебного нормотворчества источниками российского права, одной из наиболее авторитетных фигур является Г. Ф. Шершеневич. Настаивая на положении ст. 84 Основных государственных законов Российской империи (1906 г.), согласно которой Российская империя «управляется на твердых основаниях законов, изданных в установленном порядке», он заключал, что все остальные источники права, в том числе и судебные решения, становились таковыми только в случае их законодательного закрепления [13, с. 471].

Обращает на себя внимание и точка зрения Л. И. Петражицкого, который, в частности, отмечал, что «...подлежащее право есть законное право, а не право судебной практики». По его мнению, судебная практика приобретает статус законодательного акта только в случае прямого указания на это в законе [14, с. 301].

Д. И. Мейер, ссылаясь на ст. 69 Основных государственных законов Российской империи (1906 г.), указывал, что кассационные департаменты Сената наделены исключительно судебной, а не законодательной функцией. В этой связи решения Сената носят обязательный характер лишь для нижестоящих судов, дела которых и обжалуются в кассационном порядке. «Трудно предвидеть, – писал он, – к каким тяжелым практическим последствиям привела бы эта обязательность; неизбежными последствиями ее были бы: застой юридической мысли в среде судей, косное отношение их к живому по существу делу, забвение закона, толкование не его, а решений Сената» [15, с. 25].

Вместе с тем отметим тот факт, что представители юридической науки дореволюционного периода, отрицавшие существование судебного нормотворчества в России, исходили из понимания права как совокупности правовых норм, содержащихся лишь в нормативных актах. При этом, как справедливо замечает В. В. Момотов, «...вопросы о том, что понятия “норма права” и “норма закона” не являются равнозначными, и уж тем более о том, что право не сводится только к правовым нормам, даже не ставились на обсуждение» [2, с. 45].

Однако, несмотря на наличие тех или иных оговорок относительно признания актов судебного нормотворчества источниками постреформенного права Российской империи, необходимо констатировать тот факт, что все-таки со стороны большинства правоведов рассматриваемого периода такое признание получило поддержку.

Согласимся в этой связи с М. Н. Марченко, который отмечает, что в результате проведения судебной реформы и издания уставов судопроизводства «...довольно четко обозначилась тенденция постепенного практического освоения российским судом... функции, весьма близкой к основному направлению деятельности российского правотворца, к функциям создателя новых правовых норм» [16, с. 316].

Классическими примерами-доводами, подтверждающими существование актов судебного нормотворчества в системе источников российского постреформенного права, могут служить положения Уставов уголовного, гражданского и торгового судопроизводства.

В частности, на основании ст. 12 Устава уголовного судопроизводства все судебные инстанции обязаны были решать дела в точном соответствии с действующим законодательством, а в случае его «неполноты, неясности или противоречия», «коими судимое деяние воспрещается под страхом наказания», должны были исходить из его общего смысла. Согласно ст. 13 приведенного нормативного правового акта запрещалось останавливать рассмотрение дела в связи с неполнотой, неясностью или противоречием законов. За нарушение указанного положения наступала ответственность за противозаконное бездействие власти, предусмотренная ст. 383–385 Уложения о нака-

заниях [17, с. 121]. Аналогичная норма содержалась и в ст. 10 Устава гражданского судопроизводства [18, с. 20].

В соответствии со ст. 333 Устава торгового судопроизводства решения коммерческих судов должны были основываться на законодательных актах, однако в тех случаях, когда «нет точных или ясных законов», разрешалось применять «торговые обычаи и примеры решений, в том же суде последовавших и вступивших окончательно в законную их силу» [4, с. 171].

Безусловно, из анализа данных и иных аналогичных законодательных положений нельзя сделать однозначный вывод о том, что суды Российской империи занимались нормотворческой деятельностью. Однако не вызывает сомнений тот факт, что в дореволюционный период появились предпосылки для зарождения судебного нормотворчества.

Подводя итог, отметим, что акты судебного нормотворчества были хотя и «побочной» деятельностью судебных органов, тем не менее восполняли пробелы в правовой системе Российской империи, дополняя тем самым законодательную деятельность государственных органов. Вместе с тем все большее значение приобретал вопрос о природе и характеристике как отдельных их видов (судебные прецеденты, разъяснения Сената), так и в целом о судебном нормотворчестве. Сложность, многогранность и одновременно противоречивость рассматриваемого вопроса обуславливают отсутствие единого подхода в научных исследованиях дореволюционного периода. Говорить о признании актов судебного нормотворчества как самостоятельных источников права в дореволюционной России «де-юре» нельзя. Однако именно в период с 1864 по 1917 г. в юридической среде стал активно обсуждаться вопрос о месте судебной практики в системе источников отечественного права.

Библиографический список

1. **Коркунов, Н. М.** Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2004. – 458 с.
2. **Момотов, В. В.** Роль судебной практики в правовой системе: Российский опыт в мировом контексте / В. В. Момотов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 5 (66). – С. 40–49.
3. **Илюхина, В. А.** Правительствующий сенат Российской империи и Верховный Суд Российской Федерации как высшая судебная инстанция (сравнительно-правовой анализ) / В. А. Илюхина // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 1 (33). – С. 37–41.
4. **Шершеневич, Г. Ф.** Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Юрайт, 2018. – 328 с.
5. **Гуляев, А. М.** Толкование закона в практике Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената / А. М. Гуляев. – Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1912. – 71 с.
6. **Демченко, Г. В.** Судебный прецедент / Г. В. Демченко. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1903. – 252 с.
7. **Васьковский, Е. В.** Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского / Е. В. Васьковский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – № 3 (31). – С. 172–199.
8. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет : в 2 т. / под ред. В. Ф. Фененова и др. – Петроград : Сенатская типография, 1914. – Т. 1. – 786 с.
9. **Муромцев, С. А.** Суд и закон в гражданском праве / С. А. Муромцев // Юридический вестник. – 1880. – № 14. – С. 377–393.

10. **Покровский, И. А.** Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1917. – 327 с.
11. **Гамбаров, Ю. С.** Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая / Ю. С. Гамбаров. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1911. – 780 с.
12. **Трубецкой, Е. Н.** Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – Москва : Товарищество скоропечатни А. А. Ливенсон, 1908. – 225 с.
13. **Шершеневич, Г. Ф.** Общая теория права / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Издание братьев Башмаковых, 1910. – 806 с.
14. **Петражицкий, Л. Н.** Теория права и государства в связи с теорией нравственности : в 2 ч. / Л. Н. Петражицкий. – Москва : Юрайт, 2016. – Ч. 2. – 421 с.
15. **Мейер, Д. И.** Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – Москва : Современ. изв., 1873. – 741 с.
16. **Марченко, М. Н.** Источники права : учеб. пособие / М. Н. Марченко. – Москва : Норма : Инфра-М, 2014. – 672 с.
17. Российское законодательство X–XX веков: Судебная реформа : в 9 т. Т. 8. Устав уголовного судопроизводства / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1991. – 496 с.
18. Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург : Типография 2-го отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1867. – 763 с.

References

1. Korkunov N. M. *Leksii po obshchey teorii prava* [Lectures on general theory of law]. Saint-Petersburg: Yuridicheskiy tsentr-Press, 2004, 458 p. [In Russian]
2. Momotov V. V. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of foreign legislation and comparative jurisprudence]. 2017, no. 5 (66), pp. 40–49. [In Russian]
3. Ilyukhina V. A. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii* [Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia]. 2016, no. 1 (33), pp. 37–41. [In Russian]
4. Shershenevich G. F. *Sistema torgovykh deystviy. Kritika osnovnykh ponyatiy torgovogo prava* [System of trade actions. Critics of main concepts of trade law]. Moscow: Yurayt, 2018, 328 p. [In Russian]
5. Gulyaev A. M. *Tolkovanie zakona v praktike Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stviyushchego Senata* [Interpretation of law in the practice of the Civil Department of Appeal of the Governing Senate]. Moscow: Pechatnya A. I. Snegirevoy, 1912, 71 p. [In Russian]
6. Demchenko G. V. *Sudebnyy pretsedent* [Court precedent]. Varshava: Tip. Varshavskogo uchebnogo okruga, 1903, 252 p. [In Russian]
7. Vas'kovskiy E. V. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina* [Bulletin of University named after O. E. Kutafin]. 2017, no. 3 (31), pp. 172–199. [In Russian]
8. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 g. za pyat'desyat let: v 2 t.* [Court regulations of the 20th of November 1864 for 50 years: in 2 volumes]. Ed. V. F. Fenenov et al. Petrograd: Senatskaya tipografiya, 1914, vol. 1, 786 p. [In Russian]
9. Muromtsev S. A. *Yuridicheskiy vestnik* [Juridical bulletin]. 1880, no. 14, pp. 377–393. [In Russian]
10. Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main problems of civil law]. Petrograd: Izдание yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 1917, 327 p. [In Russian]
11. Gambarov Yu. S. *Kurs grazhdanskogo prava. T. 1. Chast' obshchaya* [A course of civil law. Vol. 1. General part]. Saint-Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1911, 780 p. [In Russian]

12. Trubetskoy E. N. *Entsiklopediya prava* [Encyclopedia of law]. Moscow: Tovarishestvo skoropechatni A. A. Livenson, 1908, 225 p. [In Russian]
13. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow: Izdanie brat'ev Bashmakovykh, 1910, 806 p. [In Russian]
14. Petrazhitskiy L. N. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti: v 2 ch.* [The theory of law and state in connection with the theory of morality: in 2 parts]. Moscow: Yurayt, 2016, part 2, 421 p. [In Russian]
15. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo* [Russian civil law]. Moscow: Sovremen. izv., 1873, 741 p. [In Russian]
16. Marchenko M. N. *Istochniki prava: ucheb. posobie* [Sources of law: teaching aid]. Moscow: Norma: Infra-M, 2014, 672 p. [In Russian]
17. *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Sudebnaya reforma: v 9 t. T. 8. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva* [Russian legislation of X–XX centuries: Court reform: in 9 volumes. Vol. 8. The Charter of criminal proceedings]. Ed. O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1991, 496 p. [In Russian]
18. *Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda: s izlozheniem rassuzhdeniy, na koikh oni osnovany. Ch. 1. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Court regulations of the 20th of November 1864: with reasonings on which they are based. Part 1. The Charter of civil proceedings]. 2nd ed., suppl. Saint-Petersburg: Tipografiya 2-go otdeleniya Sobstvennoy E. I. V. Kantselyarii, 1867, 763 p. [In Russian]

Чунина Марина Сергеевна

аспирант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: chunina.usd.pnz@yandex.ru

Chunina Marina Sergeevna

Postgraduate student, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Чунина, М. С. Судебное нормотворчество в дореволюционной России: дискуссионные аспекты / М. С. Чунина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2019. – № 2 (50). – С. 62–70. – DOI 10.21685/2072-3016-2019-2-7.